

АГЕНТСТВО ПОДДЕРЖКИ КУЛЬТУРНЫХ ИНИЦИАТИВ
«ТРАНЗИТ»

**ПРОБЛЕМЫ
БАЛТИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 1

Калининград
Издательство Калининградского государственного университета
2003

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. КАМЕННЫЙ И БРОНЗОВЫЙ ВЕКА	4
<i>Тимофеев В.И.</i> История изучения памятников каменного века на территории Калининградской области в довоенный период	4
<i>Лисицын С.Н.</i> Колонизация территории Великого водораздела в финальном палеолите	14
<i>Герасимов Д.В.</i> Периодизация и хронология неолитических памятников юга Карельского перешейка	30
<i>Józwiak B.</i> Osadnictwo społeczności kultury niemeńskiej na Niżu Polski w międzyrzeczu Odry i Wisły, w świetle źródeł ceramicznych	38
<i>Зальцман Э.Б.</i> Поселение поморской (жуцевской) культуры Прибрежное	50
<i>Ślusarska K.</i> Wschodnioeuropejska odnoga w systemie szlaków bursztynowych w różnej epoce brązu w świetle najnowszych odkryć w strefie Północnego Pontu	76
РАЗДЕЛ 2. ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК	85
<i>Кулаков В.И.</i> Скандинавское язычество эпохи викингов на востоке Балтии	85
<i>Гусаков М.Г.</i> Хозяйство древних пруссов X-XIII вв. (по материалам археологии)	93
<i>Валуев А.А.</i> Итоги изучения грунтового могильника Альт-Веллау	104
<i>Ефремов. Л.А.</i> Прусская лепная погребальная керамика	117
<i>Сакса А.И., Бельский С.В., Курбатов А.В., Полякова Н.Ю.</i> Выборг - первые века истории (некоторые итоги исследований 1998-2001гг.)	129
РАЗДЕЛ 3. БИБЛИОГРАФИЯ	141
<i>Дементьев И.О.</i> Археология Юго-Восточной Прибалтики. Библиография на русском языке (1951-2002)	141
<i>Агентство поддержки культурных инициатив «Тратит»</i>	151

СИ. Лисицын¹
(Санкт-Петербург, Россия)

КОЛОНИЗАЦИЯ ТЕРРИТОРИИ ВЕЛИКОГО ВОЛОРАЗДЕЛА В ФИНАЛЬНОМ ПАЛЕОЛИТЕ

Обширный регион в междуречье великих рек Волги, Западной Двины и Днепра имеет устойчивое наименование — Великий водораздел. Это название достаточно точно определяет специфику региона, где находятся истоки основных водных артерий Восточной Европы. Великий водораздел, входит в состав конечной территории распространения валдайского ледникового щита, отложения которого перекрывают напластования более древних четвертичных оледенений. Активное освоение этой зоны первобытным человеком стало возможно лишь после дегляциации Северной Балтики и прилегающих территорий, произошедшей в конце плейстоцена, и спуска приледниковых водоёмов. В постледниковое время междуречье стало регионом, интенсивно насыщенным археологическими памятниками как мезолита, так и неолита. Однако вопрос о времени и истоках первоначального заселения этой территории сегодня приходится решать на материалах, недостаточно обеспеченных необходимыми данными, что неизбежно приводит к разнообразию мнений.

Постледниковье на Северо-Западе Русской равнины является наименее изученным периодом каменного века и в системе археологической периодизации соответствует переходной эпохе от верхнего палеолита к мезолиту, которая получила устойчивое наименование - финальный палеолит. Финальный палеолит Северной Европы в целом имеет хронологические рамки приблизительно от 14-13 тыс. лет назад до начала голоцена, около 11/10 тыс. лет назад. Для данного времени была характерна выработка стратегии жизнеобеспечения мобильных мезолитических охотников. Важное место в этой экономико-культурной нише играл лук, свидетельством чему стало массовое производство черешковых наконечников стрел [13; 17].

К сожалению, хронология восточноевропейского финального палеолита изучена крайне фрагментарно: природные условия на рубеже плейстоцена и голоцена способствовали разрушению культурных остатков, а песчаные почвы не позволили сохраниться органике. Отдельные финальнопалеолитические памятники более или менее надёжно датированы в Юго-Восточной Прибалтике, а также в Южной Сканди-

¹ *Лисицын Сергей Николаевич* — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН

навии, где сохранность органических остатков позволила сделать палинологические и радиоуглеродные определения. Для Северо-Запада Русской равнины такие данные единичны. Поэтому материалы местного финального палеолита датируются в широком диапазоне. Его нижний предел определяется исчезновением наиболее поздних памятников верхнепалеолитической традиции в бассейне Десны и Днепра (Тимоновка, Юдиново, Супонево, Чулатово и др.) и Оки (Шатриши), имеющих радиоуглеродные определения 14-13 тыс. лет назад [3; 27; 33]. Верхним хронологическим репером служит появление надёжно датированных мезолитических культур, наследующих культурные традиции финального палеолита: кундской в Восточной Прибалтике, бутовской и иеневской в Верхневолжье (наиболее ранние абсолютные датировки порядка 10,5-9,6 тыс. лет назад [10; 18; 22]). Финальнопалеолитические памятники Великого водораздела и сопредельных территорий, попадающие в хронологическую лагуну 13-10 тыс. лет назад, слабо исследованы, чтобы дать исчерпывающее представление о первых этапах колонизации региона.

Существенное значение для хронологии заселения играют палеогеографические данные. Наиболее отчетливые следы дегляциации и освобождения значительной территории запада Восточной Европы от ледника фиксируются в самом конце плейстоцена, около 15-14 тыс. лет назад. Ледник в краевой зоне распался тогда на множество микроязыков. Днепро-Двинско-Волжское междуречье в этот период входило в полосу краевых ледниковых образований (рис. 2).

В раннем дриасе (13,0-12,8 тыс. лет назад), сопровождавшемся суровыми климатическими условиями и распространением полярной флоры, ледник частично сохранял контроль над междуречьем Западной Двины и Волги. Лишь в беллинге (12,8-12,3 тыс. лет назад) льды повсеместно отступили от Великого водораздела, и на приледниковых территориях обычная береза повсеместно вытеснила карликовую. Скорее всего значительная часть бассейна Верхнего Днепра в этот период уже подходила для обитания человека, а Двинско-Волжское междуречье было пригодно как зона периодического посещения.

Похолодание среднего дриаса (12,3-12,0 тыс. лет назад) на Северо-Западе Русской равнины отмечено несколькими поясами конечноморенных образований, свидетельствующих о последовательном регрессивном характере дегляциации на этом этапе. Стоит отметить, что многие современные исследователи склонны не выделять средний дриас в отдельный стадиал, а рассматривать его как завершение беллинга [39].

Глобальное аллередское потепление (12,0-11,0 тыс. лет назад), климатические условия которого почти не отличались от современных, способствовало распространению сосново-берёзовых лесов с примесью ели и широколиственных пород. Весь регион оказался пригоден для заселения человеком, однако памятники, обоснованно датированные этим временем, пока не выявлены.

Последнее наиболее значительное похолодание в позднем дриасе (11,0-10,3 тыс. лет назад) ознаменовалось временным возвращением перигляциальных условий. В палинологических спектрах пыльца трав вытесняет лесные сообщества, появляются холодолюбивые виды, включая карликовую берёзу [15]. Район верховьев Волги, Западной Двины и Днепра представлял тогда зону кустарников и предтундровых редколесий, сохранявшихся по долинам рек и озёр. Однако ухудшение климата не сопровождалось продвижением ледника южнее Северной Карелии, и весь Северо-Запад был доступен первобытным первопоселенцам.

Наступление раннего пребореального потепления (10,3-10,0 тыс. лет назад) положило конец господству холодолюбивой растительности. На рубеже плейстоцена и голоцена формируется близкий к современному климат: распространяются сосново-берёзовые лесные массивы с примесью ели и широколиственных деревьев. Некоторое понижение среднегодовых температур в позднем пребореале 10,0-9,3 тыс. лет назад выразилось в резком увеличении роли травяных и кустарниковых ассоциаций за счёт сокращения древесных пород. Лесные массивы вновь приобретают вид редколесий, но не достигают позднедриасового уровня деградации. С наступлением бореала (9,3-8,0 тыс. лет назад), вместе с которым вернулись тёплые климатические условия и теплолюбивая флора, амплитуда голоценовых климатических колебаний носила локальный характер и более не могла затруднять освоение региона людьми каменного века.

Великий водораздел, в современный геологический период на рассматриваемой территории проходящий по линии Витебск — Орша — Западная Двина — Рыбинск [2], в ледниковую эпоху (из-за изостатического опускания платформы, вызванного ледником) располагался в нескольких сотнях километров юго-восточнее. Последнее обстоятельство является очень важным для понимания закономерностей формирования обширнейших приледниковых озёр, которые существовали к северу от главного водораздела [14; 29; 32] и являлись основным препятствием на пути расселения первых поселенцев. В позднеледниковые бассейны верхнего течения Днепра и Западной Двины образовывали систему приледниковых водоёмов, частью которой являлись верхневолжские озёра со стоком по днепровской прадолине (рис. 2). Современная линия водораздела сложилась лишь в раннем голоцене за счет спуска озёр, возникших на месте ледниковых стоков юго-западного направления, когда Волга переместила свой исток от Вышневолоцкой гряды к центру Валдайской возвышенности. Таким образом, пространство, осваиваемое человеком, регулировалось прежде всего состоянием климата и гидросистемы: трансгрессиями и регрессиями водоёмов и деятельностью речных стоков.

Для реконструкции процесса первичного заселения и освоения Северо-Запада Русской равнины уместно привести сравнение с этапами

освоения человеком географически равнозначных территорий, также освобожденных ото льда в позднеледниковье. В частности, наиболее полно исследованный археологически и методами естественных наук регион Южной Скандинавии, располагающийся на той же широте, что и район Великого водораздела, даёт наиболее подробную картину процесса заселения освобожденных от ледника областей в финальном палеолите и раннем мезолите. Считается, что к началу беллинга Южная Скандинавия уже целиком освободилась от ледникового покрова [43; 44], однако наиболее раннее присутствие человека относится к более позднему времени. Памятники самой древней гамбургской культуры, происходящей из Северной Германии, в ее развитой стадии хавельт, известны лишь в южной части Ютландского полуострова (Йельс 1, Йельс 2, Слотсенг-с и др.) и относятся по радиоуглеродным и стратиграфическим данным к периоду не ранее середины — второй половины беллинга [46; 47; 48].

В южной же, а также средней Дании, включая островную территорию, найдены памятники следующей по хронологии культуры федермессер (Слотсенг-б, Слотсенг-е, Эгтвед, Фермозе, Хасселе и др.) [45; 46; 47; 48]. Северная Германия и Южная Дания считаются коренной областью формирования этой культуры (которая распространена также в Бельгии и Нидерландах), датирующейся началом-серединой среднего дриаса и доживающей до аллереда.

Лишь с началом аллередского интерстадиала (по археологическим и естественнонаучным данным) начинается освоение людьми территории Северной Дании и шведской Скании. Древнейшей местной культурой, распространившейся также на территорию Северной Германии и, возможно, Северо-Западной Польши, считается культура бромме. Она является наиболее изученной на сегодня финальнопалеолитической культурой, насчитывающей не менее 50 местонахождений и стоянок [1; 55]. На севере и северо-востоке Дании к бромме относится наибольшее число памятников (Бромме, Левенхольм, Севинд, Ланго I, Хейгорд, Троллесгаве I, Фенсмарк, Атгемозе II и др.) [46; 47; 49; 53]. В Южной Швеции к бромме относят стоянки Сегебро, Вонгамоссен, Меллеред и ряд местонахождений [51; 57]. Имеющиеся радиоуглеродные датировки и данные палинологии определяют рамки существования этой культуры в рамках аллереда - начала позднего дриаса.

Катастрофическое похолодание позднего дриаса способствовало свёртыванию процесса колонизации приледниковых областей Скандинавии и даже, возможно, оставлению людьми южной оконечности Швеции. Памятники географически широко распространённой аренбургской культуры, которые датируются от рубежа аллереда — позднего дриаса и до раннего пребореала включительно, известны в Дании на юге Ютландии (Хьяруп Мозе, Брамдрупгорд), о. Зеландия (Бондеруп) и о. Лолланн (Селбьерг I) [41; 46; 56]. В Скании достоверные аренбургские памятники отсутствуют, но есть ряд находок наконечников аренс-

бургского типа, впрочем, устойчиво встречающихся также в мезолитических комплексах [51].

Начало голоцена соответствует новому раннемезолитическому этапу освоения севера Ютландского и юга Скандинавского полуострова. Памятники раннего маглемозе в Дании (Бармозе, Фладет), культуры хенсбака и сандарна в Южной и Западной Швеции и фосна в Южной Норвегии, сформировавшиеся на аренбургской основе, завершают древнейшую эпоху колонизации Южной Скандинавии [42; 43; 52].

Сопоставляя этапы ранней колонизации Южной Скандинавии и Великого водораздела, следует отметить, что их гидроресурсы коренным образом отличались. Так, в позднеледниковые сеть крупных проточных приледниковых озер на Северо-Западе Русской равнины находились в активной фазе развития, а верховья Волги, Днепра и Западной Двины только формировались. Интенсивная эрозионная деятельность рек препятствовала освоению низких террасовых уровней, наиболее пригодных для обитания человека. Южная Скандинавия находилась под доминирующим влиянием одного приледникового водоёма — Балтики. Сокращение и расширение балтийского бассейна самым непосредственным образом отражалось на освоении прибрежных территорий [51; 52]. Крупные регрессии водоёма способствовали трансформации Балтики в относительно замкнутое озеро (Балтийское приледниковое озеро в аллереде / позднем дриасе, Анциловое озеро в бореале), а регрессии вновь превращали её в обширный морской залив (Иольдиевое и Литориновое моря в пребореале и атлантикуме). Этот важнейший экологический фактор периодически то способствовал продвижению людей из Ютландии в Южную Швецию по сухопутным мостам (древнейший - в аллереде), то, наоборот, затруднял сухопутное сообщение этих районов [6; 52].

Можно сделать два основополагающих вывода относительно возможностей раннего заселения региона Великого водораздела.

1. Условным нижним хронологическим пределом, когда было возможно заселение района, является аллередский тёплый интервал 12-11 тыс. лет назад, когда весь район обладал наиболее благоприятными природными условиями, близкими к современным. Этому не противоречит и хронология финальнопалеолитических памятников Южной Скандинавии. Однако относительно высокий уровень стояния воды в постледниковых водоёмах региона мог препятствовать сплошной колонизации территории.

2. Период позднего дриаса также был в достаточной мере благоприятен для колонизации Великого водораздела, что уже, однако, не находит соответствия в материалах Южной Скандинавии. Последнее тем более значимо, что памятники, датирующиеся не позднее молодого дриаса в Восточной Европе, известны и связываются с мифацией населения с побережья Балтики [13; 34]. Так, наиболее важные стратиграфические разрезы, для которых получены палинологические опреде-

ления этого времени, имеются на стоянках Подол III (2-й раскоп) и Усть-Тудовка I в Тверской области. Не исключено, что именно отток населения с территории южного побережья Балтики мог спровоцировать освоение обширных пространств на востоке в связи с наступлением последнего дриасового похолодания.

Характеристика памятников финального палеолита Великого водораздела и сопредельных районов основана на технико-типологическом анализе каменных изделий, имеющих аналогии в южнобалтийских индустриях. На территории Северо-Запада Русской равнины наиболее раннему технокомплексу финального палеолита, согласно североамериканской хронологии, находящему аналогии в датированных аллередами стоянках Польши и Дании, соответствуют памятники с характеристиками кремневого инвентаря типа бромме. Для технокомплекса бромме [53] характерно экстенсивное первичное раскалывание жёстким отбойником, направленное на получение массивных пластинчатых заготовок, которые скалывались с призматических подконусовидных одноплощадочных и, в меньшей степени, двухплощадочных ядрищ. Орудийный набор включает массивные черешковые наконечники типа лингби, скребки на пластинчатых отщепах или укороченных пластинах, крупные резцы с множественными резцовыми сколами: двугранные, многофасеточные, а также ретушные. К технокомплексу бромме относятся как минимум несколько памятников: Аносово I и Аносово IV в верховьях Днепра, Подол III (ранний комплекс), Тёплый Ручей 2, Троицкое 3 в верховьях Волги. Возможно, к нему частично относится часть кремневого инвентаря верхнеднепровского памятника Вышегора I и верхневолжского - Баранова Гора, а также ряд местонахождений [4; 16,25; 26; 34; 35].

Свидерский технокомплекс характеризуется развитой технологией получения пластин, скалывавшихся с ладьевидных двухплощадочных и одноплощадочных призматических нуклеусов с помощью мягкого отбойника [62]. В орудийный набор входят свидерские наконечники с вентральным уплощением насада, скребки и резцы (среди которых преобладают ретушные), изготовленные на пластинах. На Северо-Западе Русской равнины к свидерскому технокомплексу, датированному в Польше поздним дриасом, относятся Иванцов Бор и, вероятно, Бабурова Гора в Верхнем Подвинье, а также кремневый комплекс находок из 2-го раскопа Подола III на Валдае. Возможно также отнесение к нему комплексов находок со стоянок Марьино 4 в бассейне притока Волги р. Мологи и Дорки 6 на Валдае [8,13; 21,28; 34; 65].

Шаткие датирующие основания для упомянутых памятников типа рассматриваемого региона порождают ряд вопросов о соотносённости во времени и пространстве групп населения обоих технокомплексов, стоянки которых расположены чересполосно в западных регионах Восточной Европы.

Технокомплекс бромме в сопредельных с рассматриваемым регионами известен пока по единичным памятникам. В белорусском течении

Днепра известна сопоставимая по составу орудий с аносовскими материалами стоянка Берестеново, отнесенная к ранней гренской культуре [23]. К технокомплексу бромме относится стоянка Красноселье Е и ряд других памятников в Украинском Полесье, отнесенных к красносельской культуре [12; 13]. В Белорусском Понеманье исследована стоянка Красносельский 5 [40] с набором инвентаря типа бромме. На территории Литвы в Понеманье известно около четырёх десятков стоянок с наконечниками типа лингби и аренсбургскими наконечниками [30; 31]. В Польше к комплексам типа бромме относятся памятники Тшебца 1 в бассейне р. Барты, Каргова Е, Яцентов 10, Новы Млын 1А и 1В, Цаловане (III) в бассейне р. Вислы [50], Волкуш 3 и 5, Бурденишки 4 в бассейне Немана [61] и другие памятники. Материалы 5а слоя Цаловане, имеющие определения С14, маркируют период обитания населения с традициями бромме-лингби в пределах второй половины— конца аллереда [58].

Для разрешения вопроса о времени проникновения носителей культурного комплекса бромме на Северо-Запад Русской равнины наибольшее значение имеют палинологические и радиоуглеродные данные стоянки Подол III (1-й раскоп) на Верхней Волге. Культурный слой памятника залегает в кровле погребенной почвы, имеющей палинологическую датировку конца аллереда, и в перекрывающих её песчаных позднедриасовых отложениях [37]. Радиоуглеродные даты, происходящие из финальнопалеолитического слоя, имеют большой разброс. Самая древняя из них 9180 ± 75 (JE-5029) соответствует пребореалу и считается омоложенной [35]. Учитывая тот факт, что к середине позднего дриаса комплекс бромме полностью исчезает на западных территориях, и то, что в конце позднего дриаса — начале пребореала в Волговерховье по палинологическим данным уже существовали вполне развитые раннемезолитические комплексы иеневской культуры и ранние памятники бутовской культуры, следует отнести материалы Подола III к периоду не позднее первой половины-середины молодого дриаса и не ранее финала аллереда 12/11 тыс. лет назад. Памятники типа Красносельский 5 в Понеманье и Анососо I и IV в Верхнем Поднепровье, Подол III и Троицкое 3 в Верхневолжье, обладающие наиболее архаичным для этого технокомплекса облик (крупные пластинчатые заготовки, отсутствие свидерских форм, архаичная техника раскалывания), отмечают древнейшие этапы продвижения групп населения технокомплекса бромме с юга на север.

Свидерский культурный пласт финального палеолита изучен гораздо полнее, чем пласт типа бромме. На территории Белорусского и Украинского Полесья, Юго-Восточной Прибалтики, составляющих коренную область свидера, зафиксировано порядка тысячи стоянок и местонахождений, относящихся к этой культурной общности. К сожалению, подавляющее их число, так же как и большинство остальных памятников рубежа плейстоцена и голоцена, представлено местонахо-

ждениями с разрушенным культурным слоем и стоянками без естественнонаучных определений и абсолютных дат. Северо-Запад Русской равнины был маргинальной областью распространения финальнопалеолитических свидерских традиций, хотя в голоценовое время стал областью сохранения так называемого постсвидерского облика в местном мезолите и раннем неолите [17]. Ряд свидерских памятников изучен на сопредельных территориях — стоянки Яново и Баркалабово (Белорусское Поднепровье) [19; 20], стоянка Саласпилс Лаукскола (нижнее течение Даугавы) и другие памятники [11; 63; 64], более 60 памятников со свидерскими чертами кремневого инвентаря на территории Литвы в бассейне Немана. Большинство из них представлено местонахождениями со смешанным набором находок. Некоторые исследовались раскопками: Смаруляй, Эйтуляй, Эжяринас 1, 4, 11, 14 и др. [30]. Относительно чистые свидерские комплексы финальнопалеолитического облика известны практически по всему течению Припяти до Киевского Поднепровья (Березно 6, 14, Тутовичи 4, Лютка, Прибор 7 и 14, Бобровичи и др.) и, вероятно, Подесенья (Смячка XIV, Балка 1) [5; 12; 13; 17; 30; 38; 60].

Вопрос о времени и путях проникновения свидерского населения на Северо-Запад Русской равнины также достаточно сложен, но здесь больше аналитических данных. Из раскопа 2 верхневолжской стоянки Подол III имеется палинологическое определение заполнения ямы с кремневым инвентарём смешанного облика (типа бромме и свидероидного характера) финалом позднего дриаса 11/10 тыс. лет назад [37]. Однако присутствие в заполнении ямы двух разнокультурных комплексов кремневого инвентаря не позволяет связать датировку только с одним свидероидным комплексом. Геоморфологическая привязка стоянки Марьино 4 с переходным к мезолиту позднесвидерским инвентарём к краю первой надпойменной террасы р. Мологи [21] позволяет отнести время её функционирования к рубежу плейстоцена и голоцена в широком смысле (около 10 тыс. лет назад). Для стоянки Иванцов Бор в Верхнем Подвинье, расположенной на ледниковом песчаном всхолмлении, имеется геологическое определение концом позднего дриаса, когда материалы культурного слоя были перевезены и переотложены на низком уровне (донная фаза) [7]. Геохронологический контекст имеет также свидерская стоянка Саласпилс Лаукскола в Латвии. Время существования береговой морской линии в Саласпилсе определяется периодом существования Балтийского ледникового озера в позднем дриасе. Сама стоянка приурочена к одному из островов древней дельты Даугавы, образовавшемуся не ранее середины позднего дриаса, а культурные остатки могут быть отнесены к концу этого периода (11-10 тыс. лет назад) [63; 64]. Наивысший интерес представляет памятник Кабяляй 2 в Южной Литве, обладающий естественнонаучными определениями [54]. Свидерские находки слоя С на этой стоянке датируются палиноло-

гически и по радиоуглероду концом позднего дриаса и до начала пребореала.

На территории Польши известно несколько сотен свидерских памятников, среди которых лишь единичные имеют независимые данные для датирования. Радиоуглеродные даты имеются для слоев 6а и 6б Цаловане (раскопы I, III, V), Рыдно I и Рыдно III, Войново 2 [58]. Они определяют рамки существования этого технокомплекса в Польше не ранее середины позднего дриаса и до самого начала пребореала 11,5-11/10 тыс. лет назад.

Таким образом, расселение свидерского населения с юга на север происходило с середины позднего дриаса (древнейшие находки в Польше) до самого конца плейстоцена и начала голоцена (Подвинье и Верхневолжье) и шло с хронологическим отрывом не менее полтысячелетия от времени распространения на Северо-Западе Русской равнины населения технокомплекса бромме. В связи с этим остро стоит проблема сосуществования в этом регионе разнокультурного населения, так как традиции развитого бромме и свидерские развивались некоторое время параллельно и имели культурное продолжение в раннем мезолите. Так, на основе технокомплекса бромме в Среднем и Верхнем Поднепровье сформировалась гренская культура, а в Волго-Окском междуречье иеневская культура. Культурное наследие свидера нашло свое отражение в кундской культуре Прибалтики и бутовской Верхнего Поволжья. Районы территориального смешения памятников обоих технокомплексов охватывают регионы Литвы, Белорусского Понеманья, Среднего Поднепровья и Верхневолжья. При этом распространение в финальном палеолите исключительно технокомплекса бромме отмечено в верховьях Днепра, а только свидера - в Латвии и Подвинье. Бассейн Верхней Волги на сегодня является самым удалённым от их исконной территории районом распространения финальнопалеолитического населения технокомплексов бромме и свидер. Учитывая значительный хронологический разрыв, следует предположить, что продвижение населения бромме и свидера на Северо-Запад Русской равнины шло разными путями и с различных направлений, однако асинхронность появления здесь носителей двух разных традиций привела к наложению их культурных ареалов. Можно реконструировать продвижение населения бромме начиная со времени окончания аллереда из пределов Повисленья в Восточную Прибалтику и Среднее Поднепровье, а затем в позднем дриасе в верховья Днепра и Волги (см. рис. 1).

БАССЕЙН ДНЕПРА	БАССЕЙН ВОЛГИ	БАССЕЙН ЗАП. ДВИ- НЫ	ПЕРИОДИ- ЗАЦИЯ	
(Вышгора I) (Вышгора III) ↑ {френская культура ра} (Вышгора I)	↑ {иленовская культура} {Авсерыгово 2}	(Подол III/1) ↑ (бутовская культура) (Гиконово), (Бугово 1)	[Лукашенки III-4] кунда?/ бутово?	ПРЕБОРЕ- АА
{Берестенево}	{Усть-Туловка 1}	(Подол III/2)		10,3 тыс. л.н.
{Баркалабово}, (Яново) {Аносowo I}	{Тёплый Ручей 1,2} {Троицкое 3} {Подол III/2}	(Иванцов Бор)		ПОЗДНИЙ ДРИАС
{Аносowo IV}	{Подол III/1}			11,9 тыс. л.н. АААБРЕА

Рис. 1. Периодизация памятников рубежа плейстоцена и голоцена на территории Великого водораздела. В квадратных скобках - комплексы технокомплекса бромме, в круглых - технокомплекса свидер

Свидерские группы значительно позднее также освоили эти территории, но они едва ли могли попасть на Верхнюю Волгу через долину Днепра, где их крайним форпостом является комплекс Яново, выполненный на неместном сером (неманском?) кремне [19]. Свидерские памятники отсутствуют в верховьях Днепра, поскольку в Белорусском и Смоленском Поднепровье непрерывно существовала вплоть до развитого мезолита производная от комплексов типа бромме гренская культура. Поздний свидерский технокомплекс в верховьях Днепра получил развитие лишь в развитом мезолите [23; 24; 36]. Скорее всего в финальном палеолите на Верхнюю Волгу проникли свидерские группы, населявшие побережье Балтики и освоившие путь по долине Даугавы и Западной Двины (рис. 3). Горизонтальные связи населения прибалтийской кундской культуры и верхневолжской бутовской культуры сохраняются на протяжении раннего мезолита, судя по некоторым общим типам орудий и импортам кремня, что позволяет исследователям говорить об общности происхождения обеих культур из прибалтийского свидера [9; 59]. Культурная адаптация носителей свидерского технокомплекса к местным условиям региона оказалась значительно более гибкой, чем у потомков населения технокомплекса бромме, что и обусловило живучесть постсвидерских культурных традиций в мезолите Восточной Прибалтики и Верхнего Поволжья.

Список литературы

1. *Васильев С.А.* Финальный палеолит Дании // *Stratum plus*. СПб., 1999. № 1. С. 211-218.
2. *Воробьёв В.М.* Великий Водораздел Восточной Европы: географо-археологический аспект // *Тверской археологический сборник*. Тверь, 1994. Вып. 1. С. 1-6.
3. *Грехова Л.В.* Место стоянок Окского бассейна в системе палеолита Русской равнины. // *Древности Оки: Труды Государственного исторического музея*. М., 1994. Вып. 85. С. 7-19.
4. *Гурина Н.Н.* Кремнеобрабатывающая мастерская в верховьях реки Днепра // *Материалы и исследования по археологии СССР*. М., 1972. №185. С. 244-251.
5. *Гурина Н.Н.* Новые данные о каменном веке Северо-Западной Белоруссии // *Материалы и исследования по археологии СССР*. М., 1965. №131. С. 141-203.
6. *Долуханов П.М.* История Балтики. М., 1969.
7. *Долуханов П.М.* Палеогеография Усятских стоянок // *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*. Л., 1969. №11. С. 18-40.
8. *Желтова М.Н.* Ранние этапы заселения территории Усятского района (Псковская область) // *Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии*. СПб.; Псков, 1997. Т. 1. С. 225-232.
9. *Жилин М.Г.* О связях населения Прибалтики и Верхнего Поволжья в раннем мезолите // *Тверской археологический сборник*. Тверь, 2000. Вып. 4. С. 72-79.
10. *Жилин М.Г.* Хронология и периодизация бутовской мезолитической культуры // *Труды Государственного исторического музея*. М., 1999. Вып. 103. С. 109-126.
11. *Загорская И.А.* Ранний мезолит на территории Латвии // *Известия АН Латвийской ССР*. Рига, 1981. № 2. С. 53-65.
12. *Зализняк Л.Л.* Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев, 1989.
13. *Зализняк Л.Л.* Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи (Культурний поділ і періодизація). Київ, 1999.
14. *Квасов Д.Д.* Позднечетвертичная история крупных озёр и внутренних морей Восточной Европы. Л., 1975.
15. *Климанов В.А.* Климат Северной Евразии в позднеледниковье (в последний климатический ритм) // *Короткопериодные и резкие ландшафтоклиматические изменения за последние 15000 лет*. М., 1994. С. 61-93.
16. *Кольцов Л.В.* О первоначальном заселении Тверского Поволжья // *Тверской археологический сборник*. Тверь, 1994. Вып. 1. С. 7-10.
17. *Кольцов Л.В.* Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М., 1977.
18. *Кольцов Л.В., Жилин М.Г.* Мезолит Волго-Окского междуречья. Памятники бутовской культуры. М., 1999.
19. *Копытин В.К.* Финальный палеолит и мезолит Верхнего Поднепровья. Могилёв, 1992.
20. *Копытин В.К.* Финальный палеолит и мезолит Верхнего Поднепровья // *Tanged points cultures in Europe*. Lublin, 1999. P. 256-266.

С.Н. Лисицын

21. *Косорукова-Кондакова Н.В.* Мезолитическая стоянка Марьино IV в бассейне Средней Мологи // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 1995. С. 10-16.

22. *Кравцов А.Е.* Некоторые результаты изучения мезолитической иеневской культуры в Волго-Окском бассейне (по материалам середины 1980-х — 1990-х годов) // Труды Государственного исторического музея. М., 1999. Вып. 103. С.79-128.

23. *Ксензов В.П.* Новые памятники гренской культуры в Белорусском Поднепровье // Tanged points cultures in Europe. Lublin, 1999. P. 229-240.

24. *Ксензов В.П.* Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. Минск, 1988.

25. *Ланцев А.П., Мирецкий А.В.* Стоянка Троицкое 3 - один из древнейших памятников Тверского Поволжья // Тверской археологический сборник. Тверь, 1996. Вып. 2. С. 57-70.

26. *Лисицын С.Н.* Финальный палеолит и ранний мезолит Днепро-Двинско-Волжского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.

27. *Лисицын С.Н.* Эпиграветт или постграветт? (Особенности кремневого инвентаря поздневалдайских памятников с мамонтовым хозяйством) // Stratum plus. СПб, 1999. № 1. С.83-120.

28. *Микляев А.М.* Каменный-железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // Петербургский археологический вестник. СПб, 1995. Вып. 9. С. 7-39.

29. *Обедиентова Г.В.* Формирование водных систем Русской равнины. М, 1975.

30. *Римантене Р.К.* Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.

31. *Римантене Р.К.* Типология палеолитических и мезолитических наконечников Прибалтики // Орудия каменного века. Киев, 1978. С. 20-31.

32. *Санько А.Ф.* Неоплейстоцен Северо-Восточной Белоруссии и смежных районов РСФСР. Минск, 1987.

33. *Синицын А.А., Праслое Н.Д., Лисицын Н.Ф., Свеженцев Ю.С., Сулержицкий Л.Д.* Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб, 1997.

34. *Синицына Г.В.* Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб, 1996.

35. *Синицына Г.В.* Финальный палеолит и ранний мезолит — этапы развития материальной культуры на Верхней Волге // Тверской археологический сборник. Тверь, 2000. Вып. 4. С. 57-70.

36. *Синицына Г.В., Лисицын С.Н.* Опыт выделения хронологических комплексов финального палеолита — раннего мезолита на многослойной стоянке Вышегора I в Смоленской области // Археологические вести. СПб, 2001. Вып. 7. С.49-60.

37. *Синицына Г.В., Спиридонова Е.Л., Лаврушин Ю.Л.* Природная среда и проблемы миграций человека на рубеже плейстоцена-голоцена на севере Русской равнины и в Скандинавии // Первые Скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб, 1997. С. 86-103.

38. *Телегин Д.Я.* Мезолитні пам'ятки України (IX-VI тисячоліття до н.е.). Київ, 1982.

39. *Фаустова М.Л.* Ледниковые ритмы на рубеже позднеледниковья и голоцена // Короткопериодные и резкие ландшафтно-климатические изменения за последние 15000 лет. М, 1994. С.94-113.

40. *Черныш М.М., Кудряшова В.Я., Липицкая В.У.* Старожытная шахцеры на Росі. Мінск, 1996.

41. *Andersen S.H.* A survey of the Late Palaeolithic of Denmark and Southern Sweden // De la Loire a l'Oder. Les civilisations du Paleolithique final dans le nord-ouest europeen. British archaeology report. Oxford, 1988. Issue 444. P. 523-566.
42. *Bang-Andersen S.* The colonisation of Southwest Norway. An ecological approach // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. Acta Archaeologica Ludensia. Stockholm, 1996. Issue 24. P. 219-234.
43. *Cullberg C.* West Sweden: on the earliest settlement // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. Acta Archaeologica Ludensia. Stockholm, 1996. Issue 24. P. 177488.
44. *Eriksen B. V.* Regional variation in Late Pleistocene subsistence strategies. Southern Scandinavian reindeer hunters in a European context // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. Acta Archaeologica Ludensia. Stockholm, 1996. Issue 24. P.7-19.
45. *Fischer A.A.* Late Palaeolithic flint workshop at Egtved, East Jutland // Journal of Danish archaeology. Copenhagen, 1988. Issue 10. P. 7-23.
46. *Fischer A.A.* Pioneers in deglaciated landscapes: the expansion and adaptation of Late Palaeolithic societies in Southern Scandinavia // The Late Glacial in Northwest Europe: human adaptation and environment change at the end of the Pleistocene. Council for British archaeology report. London, 1991. Issue 77. P.100-121.
47. *Holm J.* The earliest settlement of Denmark // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. Acta Archaeologica Ludensia. Stockholm, 1996. Issue 24. P.43-59.
48. *Holm J.* Settlements of the Hamburgian and the Federmesser cultures at Slotseng, South Jutland // Journal of Danish archaeology. Copenhagen, 1991. Issue 10. P. 7-19.
49. *Johansson A.D.* A base camp and kill sites from the Bromme culture on South Zealand // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. Acta Archaeologica Ludensia. Stockholm, 1996. Issue 24. P. 89-97.
50. *Kozłowski J.K, Kozłowski S.K* Epoka kamienna na ziemiach Polskich. Warszawa, 1977.
51. *Larsson L.* The colonization of South Sweden during the deglaciation // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. Acta Archaeologica Ludensia. 24. Stockholm, 1996. Issue P. 141-155.
52. *Larsson L.* Perspectives on the colonization of the Scandinavian Peninsula // Post-pleniglacial re-colonization of the Great European lowland. Folia Quaternalia. Krakow, 1999. Issue 70. P. 175-196.
53. *Madsen B.* Late Palaeolithic cultures of South Scandinavia — tools, traditions and technology // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. Acta Archaeologica Ludensia. Stockholm, 1996. Issue 24. P. 61-73.
54. *Ostrauskas T.* Kabeliu 2- oji akmens amziaus gyvenvietė // Lietuvos archeologija. Vilnius, 1999. Issue 16. P. 31-66.
55. *Petersen E.B.* The Late Palaeolithic and the Mesolithic // Digging into the past. 25 years of Archaeology in Denmark. Copenhagen, 1993. P. 46-50.
56. *Petersen E.B., Johansen L.* Tracking Late Glacial reindeer hunters in Eastern Denmark // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. Acta Archaeologica Ludensia. Stockholm, 1996. Issue 24. P. 75-88.
57. *Salamonsson B.* Decouverte d'une habitation du tardi-glaciare a Segebro, Scanie, Suede // Acta Archaeologica. 1964. Issue 35. P. 1-28.

58. *Schild R, Pazdur M.F., Vogel J.C.* Radiochronology of the tanged point technocomplex in Poland // Tanged points cultures in Europe. Lublin, 1999. P. 13-15.

59. *Sulgostowska Z.* Final Palaeolithic Masovian cycle and Mesolithic kunda culture relations // Tanged points cultures in Europe. Lublin, 1999. P. 85-92.

60. *Sulgostowska Z.* Prahistona miedzyrzecza Wisly, Niemna i Dniestru u schylku plejstocenu. Warszawa, 1989.

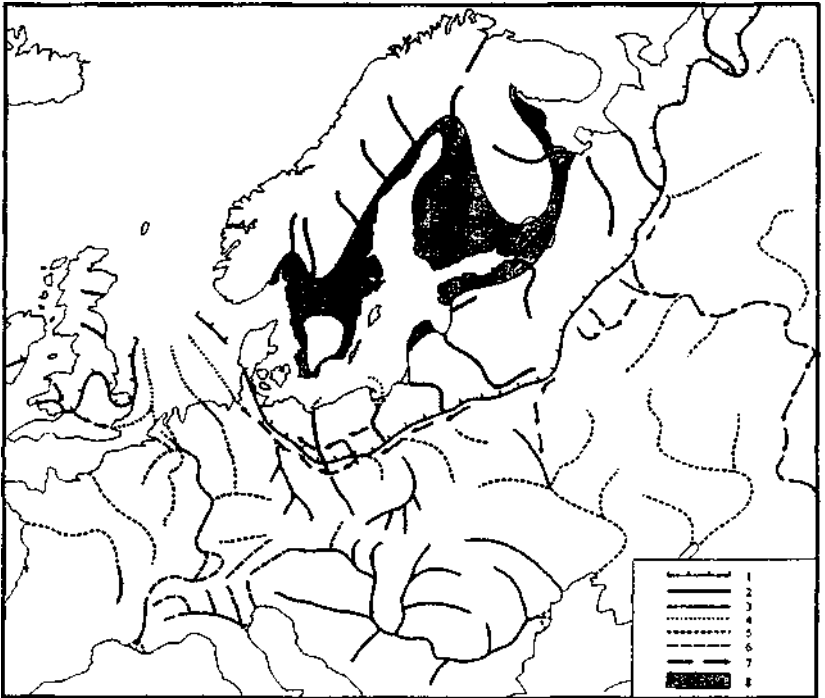
61. *Szychak K.* Epoka kamienia polski pomochno-wschodniej na tie srodkowoeuropejskim. Warszawa, 1995.

62. *Szychak K.* Three faces of the Swiderian culture // *Archaeologia interregionalis. New in Stone Age archaeology.* Warsaw, 1987. P. 35-54.

63. *Zagorska I.* Late Palaeolithic finds in die Daugava River Valley // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. *Acta Archaeologica Ludensia.* Stockholm, 1996. Issue 24. P. 263-272.

64. *Zagorska I.* The earliest settlement of Latvia // *Environmental and cultural history of the Eastern Baltic region.* Rixensart, 1999. PACT. Issue 57. P.131-156.

65. *Zhilin M.G.* The western part of Russia in the late Palaeolithic - early Mesolithic // The earliest settlement of Scandinavia and its relationship with neighboring areas. *Acta Archaeologica Ludensia.* Stockholm, 1996. Issue 24. P. 273-284.

Рв. 2. Формирование системы речных стоков в Северной Евроне в конце последнего оледенения (по: [Madeyska T. Paleogeography of European Lowland during the Late Vistulian // Post-pleniglacial re-colonization of the Great European lowland. Folia Quaternaria. Krakow, 1999. Issue 70. P. 7-30], на основе: [Starkell L. Long-distance correlation of fluvial events in the temperate zone // Temperate palaeohydrology. 1991. P. 473-495])

1 - границы максимального продвижения ледника; 2 - речные долины, сформировавшиеся в постледниковье; 3 - речные долины перигляциального происхождения; 4 - участки рек, затопленные после таяния льдов; 5 - долины крупных равнинных рек; 6 - внеледниковые альпийские долины; 7 - стоки ледниковых вод; 8 - районы, затопляемые в результате морских трансгрессий

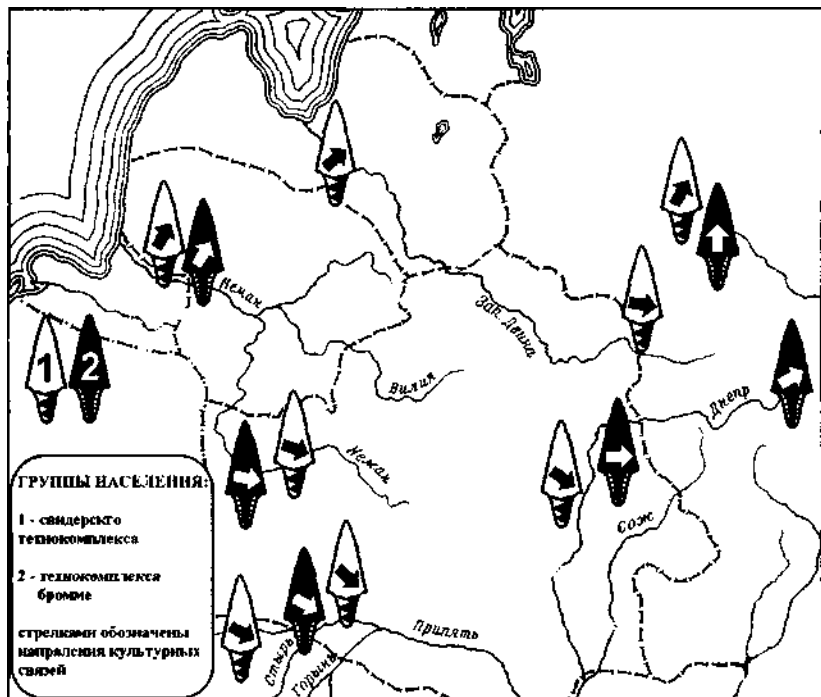

Рис. 3. Реконструируемая схема колонизации западной части Восточной Европы в финальном палеолите.